

К.Б. Уразаева¹ , Г.Д. Рысмаганбетова²

¹Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева, Казахстан, г. Нур-Султан,

²Актюбинский региональный государственный университет им. К. Жубанова, Казахстан, г. Актобе,
e-mail: kuralay_uraz@mail.ru, gulnara_rsmg@mail.ru

«РЕЛИГИЯ ДУШИ» ШАКАРИМА. ТРИ ЛИКА «ВОЗЛЮБЛЕННОЙ»

Статья посвящена философии и поэтике суфизма в лирике Шакарима. Изучение своеобразия толкования казахским поэтом суфизма привело к концепции «религия души». «Религия души» Шакарима исследована как история внутреннего пути человека к Богу. Тема любви – восхождения человеческого духа к Абсолюту – трактуется поэтом как личный опыт мистического прозрения. Типичные для суфизма мотивы: духовного очищения и прозрения через прикосновение к тайне, колдовства Возлюбленной, прикосновения к локону Возлюбленной, опьянения вином, исчезновения своего «я», смерти – показаны в трех стихотворениях Шакарима как торжество Абсолюта и творения мира. Выявлен общий для лирики Шакарима сюжет: «Я и Бог». Анализируется символика опьянения как постижения Истины, функция образов «локона Возлюбленной», соловья, «нищего», райских гурий. Специфика толкования суфизма Шакаримом показана как этико-нравственная программа совершенствования человека и духовного постижения истины. Концепты духовного царства и духовного сердца, чистого разума исследуются как основа мировоззрения поэта, обусловившего жанровое своеобразие его поэзии, философской и дидактической одновременно.

Ключевые слова: Шакарим, суфизм, «религия души», концептосфера, мировоззрение, Абсолют, Истина, философская лирика, наставление.

K.B. Urazaeva¹, G.D. Rysmagambetova²

¹L.N. Gumilyov Eurasian National University, Kazakhstan, Nur-Sultan,

²K. Zhubanov Aktope Regional State University, Kazakhstan, Aktope,
e-mail: kuralay_uraz@mail.ru, gulnara_rsmg@mail.ru

Shakarim's «Religion of the Soul». Three faces of the «Beloved»

The article is devoted to the philosophy and poetics of Sufism in Shakarim's poetry. The study of the originality of the Kazakh poet's interpretation of Sufism took on the character of the concept of «religion of the soul»/ Shakarim's «religion of the soul» is explored as the history of man's inner path to God. The theme of love – the ascent of the human spirit to the absolute-is interpreted by the poet as a personal experience of mystical insight. Typical for Sufism motives: spiritual purification and insight through touching the mystery, sorcery of the Beloved, touching the lock of the Beloved, intoxication with wine, the disappearance of one's self, and death are shown in three poems of Shakarim as the triumph of the absolute and the creation of the world. A common theme for Shakarim's lyrics is revealed: «I and God». The author analyzes the symbolism of intoxication as a comprehension of the Truth, the function of the images of the «lock of the beloved», the Nightingale, the «beggar», and the Paradise houris. The specifics of the interpretation of Sufism by Shakarim is shown as an ethical and moral program for improving a person and spiritual comprehension of the truth. The concepts of the spiritual Kingdom and the spiritual heart and pure mind are also studied as the basis of the poet's worldview, which caused the genre originality of his poetry, philosophical and didactic at the same time.

Key words: Shakarim, Sufism, «religion of the soul», conceptual sphere, worldview, Absolute, Truth, philosophical lyrics, instruction.

Қ.Б. Уразаева¹, Г.Д. Рысмағанбетова²,

¹А.Н. Гумилев атындағы Еуразия ұлттық университеті, Қазақстан, Нұр-Сұлтан қ.,
²Қ. Жұбанов атындағы Ақтөбе өңірлік мемлекеттік университеті, Қазақстан, Ақтөбе қ.,
e-mail: kuralay_uraz@mail.ru, gulnara_rsmg@mail.ru

Шәкірімнің «Жан дүние діні». «Жар» ұғымының үш дидары

Мақала Шәкірім поэзиясындағы сопылық поэтика мен оның философиясына арналған. Қазақ ақынының түсінігіне сай сопылық өзгешелікті зерттеу арқылы «жан дүние діні» концепциясының сипаты айқындалған. «Жан дүние діні» – адамды Құдайға жетелейтін ішкі жол қалыптасуының тарихы тұрғысынан зерттелген. Махаббат тақырыбы – адам рухының Абсолютке қарай өрлеуі – ақын шығармашылығында мистикалық түйсікті оятудың өзіндік тәжірибесі ретінде түсіндірілген. Шәкірімнің үш өлеңінде орын алған Абсолюттің өрлеуі және ғалам жаратылысының бейнелері сопылыққа тән кейбір сарындар арқылы көрсетілген: тылсымға жақындау арқылы рухани тазару мен көңілдің айқындалуы, Жардың дуагерлігі, Жардың бұрымына жанасу, шараптан еліту, өзіндік «меннің» жойылуы. Сондай-ақ, Шәкірімнің жалпы лирикасына тән «Мен және Құдай» сюжеті айқындалған. Еліту күйін кешіп Ақиқатқа қол жеткізу символикасымен бірге «Жар бұрымы», бұлбұл, «кедей», хор қызы бейнелерінің функциясы талданған. Шәкірім шығармаларындағы сопылық түсініктің ерекшелігі болса, адамның өрістеуі мен ақиқатқа рухани тұрғыдан қол жеткізудің этикалық-өнегелік бағдарламасы ретінде көрсетілген. Рухани патшалық, рухани жүрек және таза зерде концепциялары оның поэзиясындағы жанрлық, философиялық, дидактикалық өзгешеліктерді тудырған дүниетанымның негізі ретінде зерттеледі.

Түйін сөздер: Шәкірім, сопылық, «жан діні», концептосфера, дүниетаным, Абсолют, Ақиқат, философиялық лирика, өсиет.

Введение

Суфизм Шакарима – проблема, обусловившая ряд направлений в отечественном литературоведении. Принадлежность к религиозно-философской лирике и прочтение ее в аспекте коранической традиции, имеющие характер обобщающего опыта исследования наследия Шакарима (Шәкірім, 2008), не объясняет в достаточной мере влияние суфийского миропонимания на мотивы, образы и символику казахского поэта. Понимание эзотерической сущности суфизма, его особого места и значения в казахской философии (Барлыбаева, 2011), в казахском сказочном фольклоре (Шахимарден, 2011) дополнили изучение суфизма в казахской культуре. Тем не менее словарь суфизма, оперирующий специфическим толкованием концептов, характеризует эзотерический язык, мироощущение и поэтологию, позволяющие разграничить истоки восточной персидской традиции и осмысления казахского мыслителя и художника, объясняющие особое место Шакарима в литературном процессе начала XX в.

Влияние на Шакарима поэзии Хафиза. Навои и Физули, подтверждающее мысль Е. Бертельса: «почти все крупнейшие авторы мусульманского Востока, за редкими исключениями, так или иначе связаны с суфизмом и без знакомства с этой литературой в полной мере поняты быть не

могут» (Бертельс, 1965: 54) – требует трактовки философско-эстетической сущности суфизма и жанровой специфики в поэзии Шакарима с позиций концептосферы, выражающей философию любви к Богу, породившей «религию души» казахского поэта. Плодотворными в этом отношении по-прежнему остаются работы российских востоковедов – Е.Э. Бертельса, Н.И. Пригариной, М.Т. Степанянц, И.В. Стеблевой.

Эксперимент

Стихотворения Шакарима: «Жарымды жаным сүйді, Сүйе алмай тәнім күйді» (Возлюбленную душа (моя) полюбила, Не сумевшая поцеловать, сгорела плоть) (1924) (Шәкірім, 1988: 212), «Шам жардан жарықпын деп күнәлі боп...» (Свеча виновата в том, что считала себя ярче) (1928) (Шәкірім, 1988: 260), «Шын асықтың әрбірі» (Все истинно влюбленные) (время написания неизвестно) (Шәкірім, 1988: 238) – позволяют описать три лика «Возлюбленной» как сущность «религии души» Шакарима. Материалом анализа суфийской мотивной структуры, образов и символики явились русские подстрочники, составленные автором статьи – Г.Д. Рысмағанбетовой. При составлении подстрочников автор придерживалась не только точности передачи текста и его образов, но и особенностей суфийской поэтики.

Результаты и обсуждение

Своеобразие философской системы Шакарима заключается, с одной стороны, в согласии с основным догматом ислама о единстве Создателя. С другой – развивая этико-нравственное представление о религии как форме духовного очищения человека, сохранения в нем лучших качеств, Шакарим явил в поздней поэзии «религию души», основанную на суфийских концептах. «Религия души» Шакарима – лирическая история внутреннего пути человека к Богу, любви, которая представляет собой восхождение человеческого духа к Абсолюту. Религиозным установлениям теологов (улема) казахский мыслитель и поэт противопоставил личный опыт мистического прозрения, «соприкосновения» с божественным.

Жарымды жаным сүйді,
Сүйе алмай тәнім күйді

*Возлюбленную душа (моя) полюбила,
Не сумевшая поцеловать, сгорела (моя) плоть*

Таза қымыз әкел шырақ.
Болайын қайғыдан жырақ.
Бойым еркін, ойым – ұрмақ,
Тілім – бұлбұл, сөзім бұлақ!

Уайым жоқ, табылды арман.
Түсіп сәуле асық жардан.
Көтерді пердесін әбден.
Қызыл гүлім ашылған шақ.

Нұрына күн нұры жетпес.
Қасы – жай, кірпігі – оқ ретпес.
Көңілден суреті кетпес.
Жүзі – сиқыр, шашы – тұзақ.

Қара көзі өтіп ойға.
Әсері жайылып бойға.
Тұрғандай шақырып тойға.
Бойымда жоқ сабыр-тұрақ!

Ернінде қиын сыр бар
Жаным соған тым ынтызар
Сүйейін дейтұғын шығар.
Лайық па екен денем бірақ.

Тең емес ерніне ернім,
Ерінге міне жан келдің.
Сүйіп кел, сені жібердім,
Тұра тұрсын денем аулақ.

Бояу мінсіз, сұлу шын жар
Жүрегімде сипатың бар
Болып ынтық қыламын зар.
Әлемде бармысың шын ақ?

Көріп көзің, нұрыңа қанса,
Барын жан ләззатін алса,
Тәнім құрбан бола қалса,
Мұнан артық болар ма бақ!

*Свет мой, принеси-ка чистого кумыса.
Отдаюсь (я) от горестных мыслей.
Тело станет свободным, в мыслях – рай,
Язык – соловей, речь моя – родник!*

*Не стало печалей, сбылась мечта,
Лучи сошли с возлюбленной,
Отбросила покрывало,
Словно раскрылся мой красный цветок.*

*Лучу солнца ее луча не догнать.
Прямые брови, ресницы – стрелы.
Из памяти не уйти ее облику.
Лицо – чарует (околдовывает),
волосы – ловушка (западня).*

*Ее черные глаза проникают в мои мысли,
Пронизывают все тело.
Как будто зовут меня на праздник,
И нет покоя в (моем) теле.*

*Губы ее хранят глубокую тайну,
К ней душа моя так стремится.
Видно, хочет поцеловать их (душа),
Но достойна ли того плоть моя?*

*Не достойны ее губ мои губы,
Но вот (ты) душа пришла к моим губам.
Поцелуй, отпускаю тебя,
А тело пусть останется в стороне.*

*Безупречной красоты истинная возлюбленная,
Твой образ в сердце моем.
Горестно рыдая, стремлюсь к тебе.
Есть ли ты в мире?*

*Если, увидишь (ее), прочитаешь твой луч
И наслаждением наполнится (вся) душа,
Если тело (мое) принесу в жертву –
Разве может быть больше счастье (блага) этого!*

В некоторых изданиях начальная строка стихотворения звучит так: «Таза қымыз әкел шырақ». В других вместо қымыз у поэта встре-

чается *арақ*, что точнее воспроизводит мотив опьянения, имеющий в суфизме особое значение. Мотив вина и мистического опьянения связан с учением об этапах постижения Истины: питье вина символизирует начало пути – тарикат (Пригарина, 1989: 111). О сущности аллегорий: «Возлюбленная» – Бог, «вино» – божественная Истина, «опьянение» – приобщение к ней – писал другой востоковед (Фильштинский, 1989: 235). Символика образа вина связана с мотивом познания: испивший его приобщается к постижению Истины.

Другой образ суфизма, формирующий концептосферу Шакарима, образ соловья. Он встречается и в других произведениях поэта. Например: «Сорлы бұлбұл жазға асық боп» (влюбленный в лето страдающий соловей) в стихотворении «Сорлы бұлбұл жазға асық боп» (Шәкәрім, 1988: 253). В суфийской поэзии соловей символизирует влюбленного и встречается часто в паре с розой – символом божества (Шиммель, 2000: с. 239). Таковы в суфизме пары «мольба – огонь», «капля – море». В стихотворении «Жүректен аққан қанымнан» (Кровью моей, что льется из сердца) (время создания неизвестно) встречается сравнение лирического героя с соловьем: «Жүрегі оттай қайнаған, // Мұңлы шерлі мен бұлбұл!» (С сердцем, пылающим как огонь, // Печальный, тоскующий я – соловей!) (Шәкәрім, 1988: 249).

Соловей символизирует и образ рая. Здесь необходима отсылка к Корану. Известно, что рай обещан мусульманину за смерть в бою во имя Аллаха: «А у тех, которые убиты на пути Аллаха, – никогда Он не собьет с пути их деяний: и введет их в рай» (ссылки по Корану здесь и везде приводятся в переводе И.Ю. Крачковского, 1990, с указанием суры и аята (47: 5, 7)).

Колдовство «Возлюбленной» – мотив суфизма, фиксирующий торжество Абсолюта в творении мира. Появление полемического отношения Шакарима к догматам религии приводит к мотиву «испорченной веры» («шірік иман»). Отсюда «колдовство» как выражение подлинной религии, исповедуемой лирическим героем казахского поэта.

Мотив колдовства создает экзистенциальную проблематику стихотворения и объясняет символику образа «локон Возлюбленной» (или «Возлюбленного»). В классической суфийской поэзии этот образ встречается в паре с образами «лик / лицо». Бертельс писал, что «локонами называют атрибуты мощи и эманации красоты, которые являются причиной сокрытия единства абсолютной красоты», а «лицом и ликом назы-

вают место проявления субстанциональной красоты и эманаций красоты» (Бертельс, 1965: 113). Мысль Шакарима заключается в сущности религии как постижении Истины. Этот путь передан в аллегории «локоны Возлюбленной», скрывающей как единство абсолютной красоты, так и множество религий, равных между собой.

Признание лирического героя: «Не жаль покинувшей (меня) души, если позволишь прикоснуться к твоему локону» в стихотворении «Шам жардан жарықпын деп күнәлі боп...» (Свеча виновата в том, что считала себя ярче) – формирует общий для рассматриваемых произведений лирический сюжет: «Я и Бог». Здесь нашла воплощение суфийская концепция фана, когда влюбленный в своем стремлении к Абсолюту достигает исчезновения своего «я», растворяя личностные качества в Абсолюте. Так создается проблематика суфизма в картине потустороннего мира, любовью к которому пронизана душа лирического героя. Здесь мотив колдовства, очарования, грезы достигает кульминации. Проблема духовного очищения и обновления, прозрения через прикосновение к тайне суждено в данном произведении раскрыться через целостность Души и Тела как субстанций, организующих движение лирического героя к жертве как высшему благу.

В энциклопедии «Шәкәрім» стихотворение отнесено к жанровой разновидности философско-духовной лирики (Шәкәрім, 2008: 721) и анализируется как наставление суфиев. Отмечая применение автором приемов, характерных для любовной лирики, исследователи сосредоточили внимание на феномене «хакикат» – понятии суфизма, означающем финал духовного самосовершенствования. Отсюда чудо (му'джиза) как основная тема произведения и комментарий о чудесах, совершенных пророком Мухаммедом. Между тем анализ стихотворения с позиций суфийской поэтологии позволяет уточнить идею произведения и тему, заключающуюся в сущности истинного мусульманина и прикосновении к Истине, обретении подлинной любви к Богу. Требуется уточнение отнесение образной системы стихотворения к кораническому источнику и «замена» суфийского Хизра почитаемым казахами Святого Кыдыра, занимающего особую роль в мифологии. Казахская параллель обнаруживается авторами статьи и в толковании долга мусульманина в аспекте долга перед отцом и матерью.

Своеобразие образной системы данного стихотворения заключается в тяготении к предметной изобразительности. Композиция основана

на оппозиции внешнего как иллюзорного, мнимого, кажимого подлинному, истинному через противопоставление образов свечи и зеркала. Развитие лирического сюжета как процесса духовного причащения к Богу через открытие тайны любви отражает подстрочник.

Шам жардан жарықпын деп күнәлі боп...

Свеча виновата в том, что считала себя ярче...

Шам жардан жарықпын деп күнәлі боп,
Сондықтан түскен оның тіліне шок.

Айна «сенен асылмын» – деген үшін
Дарға асылып, басына қадалған ок.

Бүтін әлем байланған сиқырыңа,
Мен жындымын асық боп сол нұрыңа.
Шірік иман, шыққан жан арман емес,

Қолымды бір тигізсең бұрымыңа.
Нұрға байсың. Нұрыңнан – зекет, парыз,

Мен кедеймін, нұр сұрап қылдым арыз.
Бір қарасаң, тірілер өлі денем,
Қарамасаң, мойнында кетер қарыз.

Қызырдың мәңгі суын сия қылып,
Тамам түнді сауыт қып қойсам құйып.
Осы дүние тозғанша жазсам-дағы
Бітіре алман ернің сырын біліп.

Нәресте, жас, күнәсіз күн мен айым,
Етегіңе қол тисе, адаспайым.
Жаратқанның құдіреті толықтығын,
Сенің мінсіз нұрыңнан байыптайым.

Мұны меңіреу табиғат жарата алмас, –
Деймін де терең оймен соны ойлайым.
Сондықтан жан иманым бір сен үшін,
Мейлің сөк, мейлің ұнат, осы жайым.

Жүз пайғамбар «мұғзижа» көрсетсе де,
Сені көрмей мұсылман бола алмайым,
Сенің нұрың түспеген сопыларды
Бейіске кіреді деп ойламайым

Свеча виновата в том, что сочла себя ярче

Возлюбленной,

Потому горящий уголь попал ей на язык.

«Я благороднее тебя», – сказала зеркало, и за это

Оно (было) повешено, и в голову его вонзилась стрела

*Целый мир пленен твоим колдовством (во власти),
Я безумец, влюбленный в твой свет.*

И не нужна прогнившая вера и покинувшая (меня)

Душа,

Если позволишь прикоснуться к твоему локону.

Ты богат(а) светом. От света твоего – (и) закят

(пожертвование), и долг.

Я нищий, молю света.

Одного (твоего) взгляда достаточно,

чтобы ожило мое мертвое тело,

Не взглянешь – неоплаченным останется (мой) долг.

(Даже) вечную (животворящую) воду Хизра

в чернила обратив,

Сделав ночь чернильницей, (в нее чернила налив,

Даже прожив до скончания этого мира,

Так и не постигну тайну по твоим губам.

Дитя юное, невинное, мое солнце и луна,

Не потеряюсь (заблужусь), если подола

твоего коснется рука

Полноту могущества Создателя

Я постигаю в твоём безупречном свете.

Это не может создать бесчувственная природа

Так говорю и глубоко размышляю я над этим.

Потому и вера, и душа моя – все для тебя.

Хочешь – отвергни, хочешь – прими – таково

(мое слово).

Если даже сто пророков покажут му'джиза (чудо),

Не узрев тебя, не смогу (я) стать мусульманином.

Неосененные твоим светом суфи,

Не войдут в рай.

Говоря о предметной изобразительности, важно помнить о присущей ей в суфизме условности. Согласно концепции «вахдад ал-вуджуд» («единство бытия») суфийского мыслителя Ибн Араби, божественный акт творения – проявление Творца через сотворенный мир. Превосходство свечи над светом божественным и зеркала над свечой – аллегория гордыни, отрицание существования Создателя. Отсюда мотив возмездия. «Локон возлюбленной» продолжает здесь тему Абсолюта и единства.

Анализ ученым газели Навои позволил выявить в качестве жанрового признака повторяющийся мотив – «изображение красоты возлюбленной и изображение любовных переживаний лирического героя», что сочетается с мотивом ничтожности лирического героя (Стеблева, 1993: 36-37). Типичные для Навои символичес-

ские образы: «пылинка», «нагой», «нищий», противопоставленные великолепию Абсолюта («лучезарное солнце», «султан»), перекликаются с образом «нищего» у Шакарима: «Я нищий, молю света. // Одного (твоего) взгляда достаточно, чтобы ожило мое мертвое тело, // Не взглянешь – неоплаченным останется (мой) долг». Здесь можно привести и понятие ислама – факр, символизирующий нищету верующего, окруженного всемогущим и всемогущим Духом.

Интересно сочетание суфийской телеологии с бытовым сознанием, характеризующим мусульманскую обрядность. Так, понятия закят и более широкое понятие долга не случайно вписаны в соседство образов метафорически осмысленного «мертвого тела» и Хизра, образов чернил и чернильницы. Известно, что пророк Хидр – «...один из угодных Богу людей, кому была дарована вечная жизнь» (Мусульманская священная история, 1996: 244). Это история о том, как Хидр нашел источник с животворящей водой, стал бессмертным и с тех пор покровительствует странствующим по суше и воде. В суре 18 Корана, аят 109 гласит: «Если бы море было чернилами для слов Господа моего, то иссякло бы море раньше, чем иссякли слова Господа моего, даже если бы мы добавили еще подобное этому» (Крачковский, 1990: 250-251). Образы чернил и чернильницы и мотив животворящей воды в стихотворении Шакарима символизируют процесс духовного причащения к религии неопита.

Картина мироздания символизирована в образах Солнца и Луны. Озарение их светом: «Дитя юное, невинное, мое солнце и луна» – содержит аллюзию на мотив рая и юных дев рая. Коран сулит верующим райскую прохладу, приятные напитки и дев рая в награду за покорность – веру в Аллаха. Религия ислама утверждает возможность быть счастливым за пределами человеческой жизни. Коран пишет о деве рая как «вечно юной», то есть сохраняющей девственность для услады мусульманина в раю: «Мы ведь создали их творением и сделали их девственницами» (56: 34, 35). Собираательные черты дев рая: «черноокие, большеглазые, подобные жемчугу хранимому» (56: 22), девственницы, которых «не коснулся до них ни человек, ни джин» (55: 56), «Они – точно яхонт и жемчуг» (55: 58), «добротные, прекрасные» (55: 70), «полногрудые сверстницы» (78: 33), «скромноокие» (55: 56), «с потупленными взорами» (38: 52), то есть полностью подчиненные небесному супругу – таков портрет гурии. Образ дев рая помогает понять усладу: человек попадает либо в рай, либо в ад:

«Мы ведь приготовили для неверных цепи, узы и огонь» (76: 4).

Истинное, абсолютное бытие есть лишь Бог – сущность, проявлением которой выступает мир (Степанянц, 1997: 30-31). Сквозь призму этой концепции Шакарим смотрит на природу и совершенство форм этого мира, возражая сторонникам естественно-эволюционной теории происхождения мира: «Мұны меніреу табиғат жарата алмас» (Это не может создать бесчувственная природа), а потому достоин истинного поклонения только Создатель («Возлюбленная»).

Богатство жанровых решений являет третье стихотворение Шакарима.

Шын асықтың әрбірі...

Шын асықтың әрбірі
Өліп топырақ болды да,
Жаралыстың тағдыры
Жаратты мені орнына.

Бәрінің нұры қосылған
Мол керемет менде бар.
Жалғыз жарға шоқынған
Қайда мендей пенде ар?

Менің жарым қыз емес
Хақиқаттың шын нұры.
Оны сезер сіз емес,
Көзге таса бұл сыры.

Жасырып тұр жар өзін,
Бас көзімен қарама.
Жүрегіңнің аш көзін,
Жанның сырын арала.

Көрем десең жарымды,
Мас бол, жүрек тазала.
Өртеп жібер барыңды,
Қарсы ұмтыл қазаға.

Көрсен, оған бас ұрып,
Етегінен айрылма.
Не нөрнеу, не жасырып,
Нәпсісіне қайрылма.

Бұл сәлемді есіңе ал,
Егер жетсең тілекке.
Жар қанжары – маған бал
Сұқсын сорлы жүрекке.

Талай асық жаралсын
Жара ағызған қанынан.

Жер жүзіне таралсын,
Жерді жусын қызыл қан.

Сайтан қашып асықтан,
Асыл озып жасықтан, –
Бейіс болсын бұл жалған
Жүректен кетіп сасық қан.

Все истинно влюбленные...

Все истинно влюбленные
Умерли и стали прахом,
И судьбою свыше
Предназначен на их место я.

Весь их свет соединенный
Благодатью в изобилие послан мне.
Поклоняющаяся единственной возлюбленной,
Есть ли где-нибудь человек, подобный мне
(достоинством)?

Моя возлюбленная – это не девушка,
Она – чистый свет Истины.
Вам не дано этого ощутить,
Это тайна, скрытая от глаз.

Скрывает себя возлюбленная,
Не смотри привычным (взором).
Открой глаза своего сердца,
Блуждай в тайнах (ее) души.

Если хочешь увидеть (мою) возлюбленную,
Будь пьян, очисти свое сердце.
Сожги себя дотла,
Шагни навстречу смерти.

Если увидишь ее, пади ниц
И, схватившись за подол, держись.
Ни открыто, ни тайком
Не поддавайся чувственным желаниям (нафс).

Запомни это мое пожелание,
Если сбудется желание.
Кинжал возлюбленной – мед для меня,
Пусть вонзится он в страдающее сердце.

Пусть много влюбленных родится
От крови, сочащейся из раны,
Пусть растечется по земле,
Пусть землю омоет красная кровь.

Пусть дьявол бежит от влюбленного,
Благородство одолеет ничтожество, –
Пусть раем станет этот мир,
Из сердца вытечет зловонная кровь.

Персонафикация Бога, Абсолюта в образе «Возлюбленной» приводит к аллегории: Истина (чистый свет) недоступна для обычного человеческого зрения. Чтобы увидеть Ее, нужно «открыть глаза (своего) сердца», обрести его в своей душе.

Лирический герой стихотворения готов принести себя в жертву Любви, ибо без гибели, исчезновения собственного «Я», растворяющегося в Боге («Возлюбленной»), невозможно обретение истинной сущности. В суфизме исчезновение личностных качеств и замена их божественными атрибутами обозначается термином «фана» («самоуничтожение в Боге»). Отсюда символический образ «кинжала возлюбленной» (жар қанжары), пронзающего сердце влюбленного. В понимании суфиев «смерть означает уничтожение личных свойств, уничтожение завесы, отделяющей предвечного Возлюбленного от сотворенного во времени любящего. Хадис «умри до того, как ты умрешь» служил суфиям отправной точкой для разрешения об убиении низших свойств любящего и его последующем духовном воскресении в этой жизни» (Шиммель, 2000: 111).

В стихотворении Шакарима процесс возрождения человека происходит как процесс посвящения, передачи духовного опыта, благодати из рук учителя, подобного суфийскому наставнику, в руки вновь обращенного ученика. Для сохранения в себе духовного царства нужно держать в чистоте духовное сердце, не дать своему «эго», низменному «я» превалировать над духовностью, ибо начало всему чистота намерений, помыслов.

Заключение

Итак, «религия души» Шакарима, воспринявшего мотивы, образы и символику суфизма, – причащение к вере как постижению Истины, воплощению Абсолюта и ликов Бога как «Возлюбленной» («Возлюбленного»). Своеобразие толкования казахским поэтом восточного учения обусловлена философской и этико-нравственной основой – трактовкой религии как постижения Истины через духовное обновление и прозрение вступающего на путь веры неопита. Тема приближения к Богу воссоздает этапы внутреннего пути человека. Типичные для суфизма мотивы: тайны, колдовства Возлюбленной, опьянения вином, исчезновения своего «я», смерти анализируются в аспекте торжества Абсолюта и творения мира. Лириче-

ский сюжет «Я и Бог» показал роль и функцию образов «локона Возлюбленной», соловья, «нищего», райских гурий. «Религия души» Шакарима – личный опыт мистического прозрения, «соприкосновения» с божественным, отсюда акцентирование мотивов самоуничтожения

«я» во имя духовного самосовершенствования. Концептосфера суфизма преломлена в поэзии Шакарима в образах духовного царства, духовного сердца, чистого разума. Такой подход стал основой анализа философско-дидактической лирики Шакарима.

Литература

- Барлыбаева Г.Г. Эволюция этических идей в казахской философии. – Алматы: К-ИЦ ИФП КН МОН РК, 2011. – 216 с.
- Бертельс Е.Э. Суфизм и суфийская литература. – М.: Наука, 1965. – 527 с.
- Крачковский И.Ю. Перевод Корана с расположением сур в порядке их ниспослания Свыше // И.Ю. Крачковский. – М.: СП ИКПА, 1990. – 512 с.
- Мусульманская священная история от Адама до Иисуса. Рассказы Корана о посланниках божиих. – М.: Научно-издательский центр «Ладомир», 1996. – 392 с.
- Пригарина Н.И. Хафиз и влияние суфизма на формирование языка персидской поэзии // Суфизм в контексте мусульманской культуры. – М.: Главная редакция восточной литературы, 1989. – С. 95-120.
- Стеблева И.В. Поэтологический аспект формирования тюркоязычной межлитературной общности древности и средневековья // Проблемы особых межлитературных общностей. – М.: Наука, 1993. – С. 90-98.
- Степанянц М.Т. Восточная философия. – М.: Издательская фирма «Восточная литература», 1997. – 503 с.
- Фильштинский И.М. Концепция единства религиозного опыта у арабских суфиев // Суфизм в контексте мусульманской культуры. Изд. 2-е, стер. – М.: Главная редакция восточной литературы, 1989. – С. 222-238.
- Шахимарден. Казахский суфизм в мудрости Алдаре-кесе // Нива. – 2001 – № 4. – С. 169-179.
- Шиммель А. Мир исламского мистицизма. Пер. с англ. Н.И. Пригариной, А.С. Раппопорт. – М.: «Алетейя», 2000. – 536 с.
- Шәкәрім. Шығарамалары. – Алматы: Жазушы, 1988 – 560 с.
- Шәкәрім. Энциклопедия. / Бас редакторы Е.Б. Сыдыков. – Семей: «Тенгри» баспасы, –2008. – 864 с.

References

- Barlybaeva G.G. (2011) Evoliutsiia eticheskikh idei v kazakhskoi filosofii. [Evolution of ethical ideas in Kazakh philosophy]. Алматы: К-ИТs ИФП КН МОН РК, 216 p. (in Russian)
- Bertel's E.E. (1965) Sufizm i sufiiskaia literatura. [Sufism and Sufi literature]. М.: Nauka, 527 p. (in Russian)
- Krachkovskii I.Iu. (1990) Perevod Korana s raspolozheniem sur v poriadke ikh nisposlaniia Svyshe [The Koran translation in the order of God given surahs]. М.: SP ИКПА, 512 p. (in Russian)
- Musul'manskaia sviashchennaia istoriia ot Adama do Iiususa. Rasskazy Korana o poslannikakh bozhiikh (1996). [Muslim sacred story from Adam to Jesus. The Koran stories about messengers of God]. М.: Nauchno-izdatel'skii tsentr «Ladomir, 392 p. (in Russian)
- Prigarina N.I. Khafiz i vliianie sufizma na formirovanie iazyka persidskoi poezii // Sufizm v kontekste musul'manskoi kul'tury (1989) [Sufism in the context of Muslim culture]. М.: Glavnaia redaktsiia vostochnoi literatury. P. 95-120. (in Russian)
- Stebleva I.V. (1993) Poetologicheskii aspekt formirovaniia tiurkoiazыchnoi mezhliteraturnoi obshchnosti drevnosti i srednevekov'ia [The poetical aspect of the formation of the Turkic speaking interliterary community of the Ancient and the Middle Ages]. // Problemy osobykh mezhliteraturnykh obshchnostei. [The problems of special interliterary communities]. М.: Nauka. P. 90-98. (in Russian)
- Stepaniants M.T. (1997) Vostochnaia filosofii. [Oriental philosophy]. М.: Izdatel'skaia firma «Vostochnaia literatura», 503 p. (in Russian)
- Fil'shtinskii I.M. (1989) Kontseptsiiia edinstva religioznogo opyta u arabskikh sufiev [The concept of the unity of religious experience of Arab Sufis] // Sufizm v kontekste musul'manskoi kul'tury. [Sufism in the context of Muslim culture]. Izd. 2-e, ster. М.: Glavnaia redaktsiia vostochnoi literatury. P. 222-238. (in Russian)
- Shakhimarden (2001) Kazakhskii sufizm v mudrosti Aldare-kose [Kazakh Sufism in Aldar-kose's wisdom]. Niva. 2001. № 4. P. 169-179. (in Russian)
- Shimmel' A. (2000) Mir islamskogo mistitsizma. [The world of Islamic mysticism]. Per. s angl. N.I. Prigarinoi, A.S. Rappoport. М.: «Aleteia», 536 p. (in Russian)
- Shakarim (2008). Shygaramalary. [Essays]. Алматы: Zhazushy, 560 p. (in Kazakh)
- Shakarim (2008). Entsiklopediia. [Encyclopedia]. [Chief editor Y. B. Sydykov]. Semei: «Tengri» baspasy, 864 p. (in Kazakh)